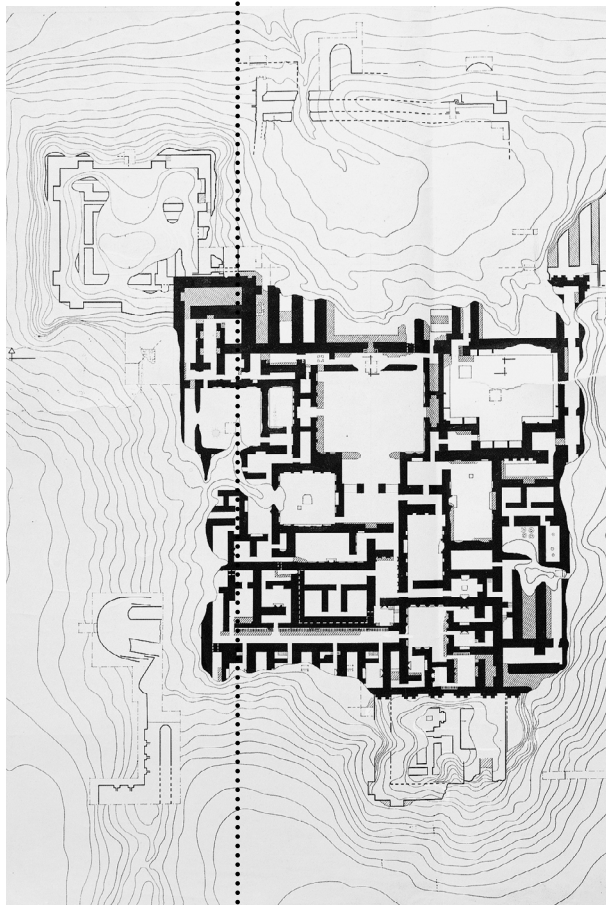

Не

Авторы
Ирина Аржанцева
Сергей Болелов
Александра Антонова
Анна Дауманн
Тигран Мкртычев
Ярослав Алешин
Катерина Чучалина

СЛИТНО,

С

Заметки на слоях

не раздельно

Изображения на обложке:

Голова анфас, 1940–е

Фотография скульптуры
(копия негатива на стекле)
Музей архитектуры имени
А. В. Щусева

Схема Высокого дворца.

Топрак-кала, 1979

Бумага, тушь
Научный архив Института
этнологии и антропологии
имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Али Шерри (р. 1976)

Копатель, 2015

Кадр из видео
Предоставлено художником
и Galerie Imane Farès

Сборник, который вы держите в руках, отличается от обычного буклета к выставке — набора сопроводительных текстов к художественным работам. Эта книжка — скорее способ вникнуть в более широкий контекст проекта «Не слитно, не раздельно», взглянуть на него с точки зрения истории Хорезмской экспедиции и истории в целом. Это и комментарии экспертов, и сумма личных высказываний людей, профессиональный и человеческий диалог с которыми определил кураторское понимание самого предмета, помог настроить оптику восприятия, интонацию высказываний, характер касаний и касательств.

Затронутые здесь вопросы следуют логике экспозиции, ее структуре или, вернее, напластованию исторических и тематических слоев. Характер повествования с научно-популярного меняется на историко-публицистический, затем на биографический — и обратно.

Авторы текстов — люди одного профессионального круга, но разных поколений. Они работают в смежных, но отличных друг от друга областях. Среди них

не только известные и признанные фигуры, но и молодые специалисты, чье участие в проекте оказалось не менее ценно. Тигран Мкртычев — искусствовед и археолог, с 2021 по 2025 год возглавлявший Государственный музей искусств имени И. В. Савицкого в Нукусе (Узбекистан). Сергей Болелов — один из последних «хорезмийцев», продолжающих раскопки по следам экспедиции. Анна Дауманн — сотрудница Института этнологии и антропологии РАН, вместе с Болеловым раскапывающая сегодня древний Хорезм. Александра Антонова — реставратор, ученица специалистов из Государственного научно-исследовательского института реставрации, посвятивших долгие годы реконструкции хорезмийских находок. Наконец, Ирина Аржанцева — ведущий историк Хорезмской экспедиции, исследовательница ее масштабного архива.

Вместе их статьи призваны расширить многовекторную систему представлений о проекте. Что такое советская центрально-азиатская археология и что влияло на выбор людей, которые решали ею заняться? Чем была Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция, каковы ее достижения и результаты? Какую роль в ее работе играли реконструкция и реставрация? Наконец, как деятельность экспедиции вписывается в более широкий контекст процессов модернизации в XX веке и связанных с ними стратегий управления ресурсами и пространствами? И что в понимании этого сюжета может прояснить такая простая вещь, как вода?

Обращение к археологической проблематике научило нас тому, что каждый предмет — в конечном счете свидетельство; отпечаток, слепок, орудие исторических отношений, в результате которых он возник. Такой

предмет не безучастен: он увлекает исследователя в глубь времен и одновременно готов участвовать в разговоре о современности. Иногда цепочка подобных предметно-человеческих связей пронизывает целые века — в особенности когда речь идет об археологии как науке. Вещи, связавшие людей сотни и тысячи лет назад, оказываются в центре совсем иных, современных отношений: научных, хозяйственно-административных, межличностных.

Этот небольшой сборник текстов призван не только познакомить читателя с кругом затронутых сюжетов, но способен, как мы надеемся, разомкнуть эти трансисторические связи, чтобы включить в них каждого зрителя.

Ирина Аржанцева Запах такыра

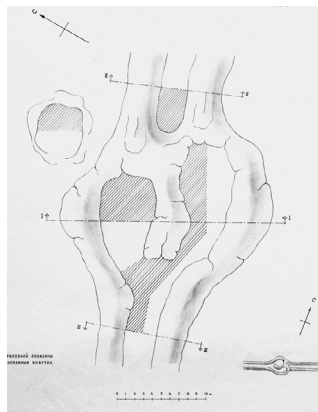
Ирина Аржанцева (р. 1956) — археолог–востоковед, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, доцент Центра восточной и античной археологии Института классического Востока и античности ВШЭ, почетный профессор Кызылординского университета, автор более 180 научных публикаций. Окончила кафедру археологии исторического факультета МГУ, где специализировалась по раннесредневековым поселениям Евразии и междисциплинарным исследованиям. Уже в студенческие годы принимала участие в археологических экспедициях на таких памятниках, как Афрасиаб (городище древнего Самарканда), Ахсикет и Пайкент. Впоследствии стала организатором пяти крупномасштабных комплексных экспедиций на Северном Кавказе (Зильги, Кяфар, Горное Эхо) и в Средней Азии (крепость Пор–Бажын в Туве и городище Джанкент в Казахстане, где работы, начатые в 2005 году, продолжаются до сих пор). Все экспедиции занимались в том числе и естественно–научными исследованиями, что позволило сформировать слаженную команду археологов, геофизиков, геоморфологов и архитекторов, много лет работающих вместе. Один из предметов научного интереса Аржанцевой — история Хорезмской археолого–этнографической экспедиции. Она опубликовала более десяти работ, посвященных ХАЭЭ и ее уникальному архиву, в том числе три монографии.

Туркменская пословица, изначально малопонятная жителям средней европейской полосы, гласит: «Тот народ богат, у которого есть пустыня и вода». Лишь попадая впервые из привычного ландшафта Восточно–Европейской равнины в Среднюю Азию, начинаешь понимать, что же имелось в виду. Здесь все другое: цвет земли и неба, запахи, которые не встретишь больше нигде, — раскаленного песка, прогретой лёссовой пыли, арычной воды, саксаульного дыма и свежееиспеченных горячих лепешек; шум базара с криками осликов. Здесь совершенно другая цивилизация: роскошная, яркая, порожденная удивительным сочетанием пустыни и воды и от них же так фатально зависящая.

Романтический восточный флер, возникший еще при завоевании Туркестана Российской империей, дотянулся и до наших дней. Колонизация этих краев вызвала расцвет «ориентализма» во многих отраслях науки, искусства и культурной жизни и вдобавок породила «тоску по Востоку» у впечатлительных людей, склонных к перемене мест, путешествиям, творчеству и экзотике.

У археологов «восточная» специализация выражена особенно ярко, что проявляется и в их внешнем виде — высушенные после полевого сезона, с выгоревшими волосами, покрытые пустынным «рабским» загаром (когда медно–коричневый цвет приобретают только шея и небольшие открытые участки рук и ног), и в своеобразном языке, изобилующем азиатскими словечками: «хоб майли», «хозер», «алаянай» («ладно, хорошо», «сейчас», «ты будешь центром моего вращения» — в смысле «хочу уважить тебя как почетного гостя»), а также названиями памятников, которые не всегда просто произнести с непривычки, и загадочными профессиональными терминами — ангоб, хум, арык, пахса, суфа, кубур, бадраб¹, — и особенной тоской по «полю», которая усиливается перед полевым сезоном.

Впрочем, по своему «полю» тоскует каждый хороший археолог, где бы оно ни находилось, хоть в ближнем Подмосковье. Археолог, работающий в Средней Азии, как правило, приобретает характерный профессиональный навык — умение определять следы присутствия воды в культурном слое. На поверхности, в рельефе это сделать несложно, а вот поди разберись по мелким

Сарыкамыш. Канал № 21, раскоп бассейна, 1952

Бумага, тушь

Научный архив Института этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

1 Ангоб — жидкая полива поверх уже обожженного сосуда; хум — большой тарный сосуд; арык — небольшой искусственный канал с водой; пахса — утрамбованная глина с растительными и органическими добавками, основной строительный материал в Средней Азии с древности и до наших дней; суфа — глинобитная лежанка в помещении; кубур — керамическая водопроводная труба, явный признак городского благоустройства; бадраб — мусорная яма.

лессовым чешуйкам в раскопе, по тонким глинистым пленкам в культурном слое, по едва заметному цветовому перепаду серовато-желтых сырцовых кирпичей и остаткам бесчисленных приспособлений, способных удерживать самую главную ценность древнего восточного города — воду.

Города здесь, конечно, были привязаны к водным артериям — рекам, дельтовым протокам, многочисленным каналам. Строили не на самом берегу, а на безопасном расстоянии, зная вздорный и непредсказуемый характер пустынных рек с их внезапными паводками и резкой, мгновенной сменой русла — «дегишем». Особенно славилась своими непредсказуемыми блужданиями Амударья, в 1942 году за одну ночь смывшая половину города Турткуль и огромные колхозные поля, а за тысячу лет до этого — столицу Хорезма, город Кят. Во время дворцовых торжеств и на публичных торжественных молениях в Хивинском ханстве обязательно произносили фразу: «Да будет Дарья многоводной, да течет она в собственном русле». В этом пожелании кроется как вековой страх перед возможным отсутствием паводков, от которых исключительно зависит нормальное функционирование каналов, так и страх перед очередным «дегишем».

Но если уходила вода — из-за природных катаклизмов или намеренного разрушения каналов и плотин, — то уходили и люди, оставляя за собой опустевшие города и некогда неприступные крепости. Брошенные поселения засыпало песком, а на месте полей, высохших озер и речных русел появлялся такыр — твердая и гладкая глинистая поверхность, покрытая глубокими трещинами усыхания. Такыр, будь то пятно метровой диаметра или же километровая платформа, — четкий маркер, говорящий, что здесь некогда была вода. И только в пустыне можно встретить этот удивительный рельеф: гулкий и гладкий, как паркет, ослепительно сверкающий на солнце, со своеобразным запахом, исходящим из трещин. Он сильнее ощущается вечером и ночью: еле уловимый дух сырости, смешанный со слабым, горьковатым запахом верблюжьей колючки.

С самого начала работы среднеазиатских археологов были во многом ориентированы на поиск и исследование ирригационных систем, без которых немыслима любая восточная цивилизация. В советские времена сюда добавлялась еще и идеологическая составляющая: археологи ставили своей задачей не только изучение и реконструкцию древних ирригационных систем, но и определение территорий, наиболее подходящих для строительства новых в рамках «сталинского плана преобразования природы», и их дальнейшего хозяйственного использова-

Макс Пенсон (1893–1959)
Орошение почвы. Накопительное поле. Узбекская ССР, 1937
 Мультимедиа Арт Музей, Москва

ния, а там, где это представлялось возможным, — и восстановление старых с применением новых технологий.

Хорезмской археолого-этнографической экспедицией С. П. Толстова была проделана уникальная совместная работа археологов, геоморфологов, гидрологов и геологов, составлены тома отчетов с бесценной информацией, созданы подробные карты региона с указанием земель древнего, существующего и возможного в будущем орошения.

Но известно, куда ведут благие намерения. Стране требовались хлопок и рис, а для этого нужна вода. Интенсивное и зачастую бессистемное рытье каналов и дамб без соблюдения технологий, сооружение каскадов ГЭС и гидроузлов на Сырдарье и Амударье и целенаправленная политика забора воды Аральского моря на полив привели в итоге к антропогенной катастрофе и к почти полному исчезновению одного из самых синих и рыбных морей на земле.

В конце 1950-х Хорезмская экспедиция работала в Каракалпакии, на южном берегу Аральского моря, в районе южного чинка (обрыва) плато Устюрт. Описывая новый социалистический быт и порядки людей, населявших дельту Амударьи и южное побережье Аральского моря, тогда еще полноводного, экспедиция невольно запечатлела в своих отчетах, дневниках и фотографиях последние дни аральской Венеции — Муйнака и Урги, где вместо улиц были речные протоки, и жители передвигались по ним на лодках, раздвигая руками густые зеленые камыши. Да, здесь порой приходилось нелегко, но люди населяли этот берег вот уже две тысячи лет, промысливая рыбной ловлей и морской торговлей. С пресной водой, правда, всегда была проблема. Но и ее решили. В 1950-е к поселкам регулярно подходили плашкоуты с пресной водой, местное население подплывало на каяках, наполняло с них деревянные бочки, а на берегу содержимое бочек переливалось ведром в сосуды поменьше и развозилось по хозяйствам на осликах; работа считалась преимущественно женской.

Арал начал отходить именно в этом районе. Его обмеление ученые неоднократно предсказывали: предполагалось, что уровень воды снизится на 6–7 метров лет через 200–300. Они ошиблись: уровень воды понизился на 22 метра через 40 лет после первых расчетов.

По рассказам очевидцев, в первый раз море отступило за ночь на 30 метров в 1962 году. Окрестные жители в панике начали рыть каналы, чтобы спасти свою часть своей рыболовецкой флотилии, оказавшейся внезапно на суше. Пытаясь соединить порт Муйнака с открытым морем, они за считанные дни прорыли канал длиной 22 километра, отказываясь верить, что процесс

необратим. Но в итоге море быстро отошло более чем на 180 километров. Трудно себе представить, что чувствовали люди, выйдя наутро из домов и не увидев моря, на берегу которого они и их предки жили всегда. Теперь здесь вместо Арала — огромный такыр с присохшими к нему скелетами мертвых кораблей. Вода ушла, забрав с собой целую цивилизацию.

Сергей Болелов «Открытие» древнего Хорезма. Экспедиция, люди, находки

Сергей Болелов (р. 1958) — историк, археолог. В 1980 году окончил кафедру археологии Средней Азии Ташкентского государственного университета. В 1980–1983 годах состоял старшим лаборантом в Институте искусствознания имени Хамзы при министерстве культуры УзССР и принимал участие в раскопках археологических памятников на юге Узбекистана: Дальверзин-Тепе, Шуроб-Курган, Кампыртепа. В 1983 году был принят младшим научным сотрудником в Институт этнографии АН СССР, где проработал до 1997 года. В 1983–1991 годах в качестве постоянного участника Хорезмской археолого-этнографической экспедиции занимался памятниками древнего Хорезма и юго-восточного Приаралья. Среди них: Топрак-кала, археологический комплекс Аяз-кала, культовый центр Калалы-гыр 2, крепости Кургашин-кала, Малая Кырк-Кыз-кала, поселение эпохи неолита «Стоянка Толстова», курганные могильники Джетысарской археологической культуры в низовьях Сырдарьи. С 1997 года — сотрудник, а с 2018-го — заведующий Отделом истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея искусств народов Востока. В 2005 году на кафедре археологии МГУ защитил кандидатскую диссертацию на тему «Гончарство древнего Хорезма по археологическим данным». В качестве сотрудника музея с 2000 по 2011 год возглавлял отряд совместной российско-узбекистанской Тохаристанской археологической экспедиции, который вел раскопки крепости Кампыртепа на юге Узбекистана. С 2007 года постоянно участвует в работах Чирик-Рабатской археологической экспедиции Института археологии имени А. Х. Маргулана (Республика Казахстан), изучающей пустынные районы древней

Хорезм — это древняя историко-культурная область в дельте великой среднеазиатской реки Амударьи, со всех сторон окруженная пустыней. Хорезм упоминается в зороастрийской священной книге, «Авесте»; о нем писали древнегреческие, арабские, персидские историки и географы. То есть с географической точки зрения Хорезм не был *terra incognita*, его никто не открывал — именно поэтому в названии очерка слово «открытие» взято в кавычки. Другое дело — культура Хорезма, особенно древняя. Вот она действительно была долгое время неизвестна, скрыта под барханами Кызылкумов и Каракумов, причем иногда в самом прямом смысле.

Жизнь людей в низовьях Амударьи целиком зависела от реки. Как писал в X веке арабский географ Абу Исхак аль-Истахри, «Хорезм — страна, которая извлекала всю пользу из Джейхуна (Амударьи)». Но не зря арабы называли реку Джейхун — «Бешеная». Амударья могла в одночасье, буквально за одну ночь изменить течение, оставив огромные территории с возделанными полями, поселениями и городами на столетия без воды. Люди уходили оттуда, и некогда цветущие оазисы поглощала пустыня. Именно по этой причине вплоть до конца 1930-х мало что было известно о древней культуре хорезмийцев — ираноязычного народа, уже в IV в. до н. э. создавшего самостоятельное государство.

До тех пор, пока почти сто лет назад на пустынные, давно покинутые людьми земли древнего орошения Хорезма на правом берегу Амударьи не ступила нога Сергея Павловича Толстова (1907–1976) — выдающегося ученого, историка-востоковеда, археолога, этнографа, с чьим именем неразрывно связано подлинное открытие древнего Хорезма — вернее, уникальной, ни на что не похожей древней культуры этого региона.

С. П. Толстов впервые попал в Хорезм в 1929 году как этнограф — он изучал родоплеменной состав и материальную культуру туркмен-иомудов и тогда же впервые увидел грандиозные развалины и мавзолеи Куня-Ургенча — средневековой столицы государства Хорезмшахов. В тот год там работала экспедиция АН СССР под руководством Александра Якубовского (1886–1953). С этого времени вся жизнь Сергея Павловича оказалась связана с Южным Приаральем и Хорезмом.

дельты Сырдарьи. С 2019 года ведет археологические исследования на городище Большая Кырк-Кыз-кала в составе Южно-Приаральской комплексной археологической экспедиции. Автор более сотни статей по археологии и истории Центральной Азии.

Высокий дворец. Вид с высоты.
Топрак-кала, 1949
 Черно-белая печать
 Научный архив Института
 этнологии и антропологии
 имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

В 1937 году была организована Хорезмская археологическая, а позднее — археолого-этнографическая экспедиция (ХАЭЭ). В том же году Алексей Иванович Тереножкин (1907–1981) практически в одиночку произвел первые археологические разведки и небольшие раскопки на территории Правобережного Хорезма. Тогда еще не приступили к широкомасштабному «превращению пустыни в цветущий сад», и древний антропогенный ландшафт оставался практически нетронутым. «Повсюду среди застывших волн барханов то густыми скоплениями, то одинокими островками лежали бесчисленные развалины замков, крепостей, укрепленных усадеб, целых больших городов»², — так описывал Сергей Павлович свое первое впечатление от увиденного со стены крепости Большой Гульдурсун, «у ворот древнего Хорезма, на пороге пути в неизведанное»³.

Планомерное научное исследование древней культуры Хорезма началось в предвоенные годы. Удивительно, как много было сделано всего за несколько лет небольшим маршрутным отрядом, передвигавшимся по пустыне на верблюдах, а чаще пешком. Были обследованы сотни памятников, сняты топографические планы, собраны археологические коллекции, выявлены системы искусственного орошения. Брат Сергея Павловича — художник Николай Павлович Толстов — выполнил прекрасные зарисовки почти всех хорезмийских крепостей и крупных городищ. Но больше всего поражает интуиция и научная эрудиция С. П. Толстова, который смог осмыслить и систематизировать совершенно новый, сравнительно немногочисленный археологический материал. Тогда, в конце 1930-х, в одной точке пространства и времени пересеклись уникальные по сохранности и информативности археологические объекты и талант выдающегося ученого. Результатом этой встречи явился выход в свет в 1948 году фундаментального научного труда «Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования», который сыграл огромную роль в развитии не только среднеазиатской археологии, но и всего отечественного востоковедения. По словам выдающегося востоковеда и археолога Бориса Анатольевича Литвинского (1923–2010), «Древний Хорезм» стал важнейшей вехой: с его появлением среднеазиатская археология окончательно выбирается из заводи краеведения на стремнину главного течения археологии и истории культуры Евразии.

Хорезмская экспедиция, которую С. П. Толстов организовал и возглавлял почти 30 лет, действовала на территории Хорезма и всего Арало-Каспийского региона более полувека. Последний сезон, когда работы проводились под ее эгидой, завершился осенью

2 Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. — Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. С. 20.

3 Там же.

Мужская голова в маске.

Фрагмент скульптуры.

Топрак-кала, II–III вв.

Глина, раскраска

Государственный музей Востока

Фотография: Евгений Желтов

1991 года. За это время из сравнительно небольшого коллектива довоенного периода Хорезмская экспедиция превратилась в одну из самых крупных и прекрасно оснащенных экспедиций в СССР.

Значение и результаты археологических и этнографических исследований, проводившихся в эти годы, огромны. Во многом Хорезмская экспедиция была первой. Например, впервые в Советском Союзе здесь широко применялись данные аэрофотосъемки и даже существовала отдельная летная группа. В конце 1940-х — 1950-х с самолетов По-2 практически полностью удалось отснять территорию Южного Приаралья. В результате были открыты новые памятники, полностью реконструированы системы искусственного орошения отдельных оазисов и целых ирригационных районов. Эти данные позволили начальнику археологического отряда Борису Васильевичу Андрианову (1919–1993) детально изучить и реконструировать древние ирригационные системы региона.

Практически с самых первых лет все исследования экспедиции были комплексными: такой подход стал краеугольным камнем метода С. П. Толстова. Были организованы отряды этнографов, которых курировала Татьяна Александровна Жданко (1909–2007), многолетний заместитель начальника экспедиции. Под руководством выдающегося советского географа и геоморфолога Александры Семеновны Кесь (1910–1993) проводились геоморфологические исследования, по результатам которых в значительной степени была изучена история обводнения древней дельты Амударьи и Узоя. В отдельных отрядах работали палеоботаники, палеозоологи, почвоведы.

Главным достоянием Хорезмской экспедиции были, конечно, ее сотрудники, представители хорезмийской археологической школы, ядро которой составляли студенты-практиканты кафедры археологии МГУ первого «Толстовского призыва». Впервые попавшие в экспедицию со студенческой скамьи, они навсегда связали свою жизнь с прекрасной древней страной — Хорезмом. Безусловно, большую роль в этом сыграл и сам древний Хорезм — настоящий археологический заповедник: крепости, замки, города среди барханов, поселения на такырах — пустынной растрескавшейся земле; но нельзя не учитывать и выдающуюся личность Толстова. По словам Елены Евдокимовны Неразик (р. 1927), проработавшей в Хорезмской экспедиции всю жизнь начиная с первых послевоенных лет, студентов и аспирантов первого призыва, которые впоследствии стали выдающимися учеными, ошеломяли нестандартные и подчас неожиданные суждения Сергея Павловича по разным поводам, весьма далеким, но иногда удиви-

**Схема Высокого дворца.
Топрак-кала, 1979**
Бумага, тушь
Научный архив Института
этнологии и антропологии

тельно дополняющим друг друга, а его эмоциональные рассказы и маленькие лекции будили мысль. При этом необходимо отметить, что Сергей Павлович никогда не ограничивал инициативу своих учеников и давал возможность выбрать любое интересующее научное направление или тему. Так, Марианна Александровна Итина (1922–2004) занималась проблемами эпохи бронзы, а Юрий Александрович Рапопорт (1924–2009) разрабатывал проблемы доисламских культов и изучал историю религии Хорезма. Елена Неразик стала специалистом по истории жилища южного Приаралья, семье и социальным структурам древнего общества, а Александр Владимирович Виноградов (1931–2004) посвятил жизнь изучению памятников каменного века не только Приаралья, но и всего Среднего Востока.

Всех сотрудников Хорезмской экспедиции не только первого, но и последующих призывов, несмотря на различия научных интересов, объединяла искренняя влюбленность в древний Хорезм, которая позволяла преодолевать любые трудности, неизбежно возникавшие во время работы в пустыне, зачастую за сотни километров от благ цивилизации. Жажда познания помогала преодолевать самые сложные препятствия. Так, в условиях жесточайшей жары в июле–августе 1952 года на Узбое, где в редких колодцах была только горько-соленая вода, во время работ на трассе предполагавшегося Большого Каракумского канала были обнаружены памятники каменного века.

**Шуи Цао (р. 1990)
С небес, она, 2025**
Видеоинсталляция
Создано и произведено по заказу
Дома культуры «ГЭС-2»

Крайне непросто было впервые попасть к Топрак-кале, про которую проводник экспедиции уверял, что там «нет ничего интересного». Городище было окружено безжизненными топкими солончаками, где ноги верблюдов проваливались по щиколотку. Надо сказать, что раскопки на этом «неинтересном» памятнике положили начало изучению материальной и художественной культуры античного Хорезма. Именно на Топрак-кале, которая в начале I тысячелетия была сакральным и религиозным центром государства Хорезмшахов, впервые были обнаружены произведения монументальной скульптуры и фрагменты настенной полихромной живописи, созданные хорезмийскими мастерами. Можно себе представить, насколько первые находки поразили археологов. Очень образно об этом сказал поэт Валентин Дмитриевич Берестов (1928–1998), который долгие годы, окончив кафедру археологии МГУ, работал в Хорезмской экспедиции:

*Среди развалин в глине и пыли
Улыбку археологи нашли.
Из черепков, разбросанных вокруг,
Прекрасное лицо сложилось вдруг...*

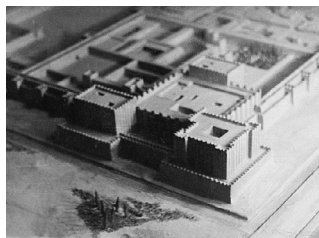

Фрагмент оссуария.
Кой-Крылган-кала, I в. до н.э. —
I в. н.э. (?)
 Обожженная глина
 Государственный музей Востока
 Фотография: Евгений Желтов

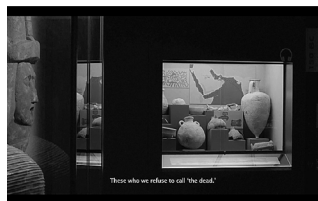
Но в Топрак-кале скрывались не только произведения искусства. В одном из помещений в обыкновенном бытовом горшке были обнаружены документы, написанные хорезмийским письмом на коже и деревянных дощечках, — часть архива Хорезмшахов. Трехбашенный замок, вознесенный на 18-метровый кирпичный цоколь — цитадель Топрак-калы, оказался монументальным дворцово-храмовым комплексом, династическим центром, посвященным предкам хорезмийских правителей. В Зале царей в нишах стояли скульптуры, скорее всего, богов хорезмийского пантеона. В центральной нише, расположенной напротив входа в зал, по всей видимости, восседала статуя Великой богини Анахиты, подательницы жизни и побед. Тронный зал окружали культовые помещения с сюжетными настенными росписями и барельефами. Например, в Зале танцующих масок были изображены пары танцующих персонажей в масках. По мнению исследователей, это художественное отражение праздников, связанных с дионисийским культом. Можно сказать, что скульптуры и росписи Топрак-калы открыли ранее неизвестную страницу многотомной истории древневосточной цивилизации.

Обнаруженную в том же 1938 году среди семи-метровых барханов крепость Кой-Крылган-кала можно считать знаковым для Хорезмской экспедиции памятником. До войны Сергей Павлович смог добраться туда только на верблюдах, а позднее, когда было решено начать раскопки, первый десант археологов высадился на ближайшем такыре с самолета, и лишь только спустя несколько дней была проложена дорога через пески, по которой машины смогли привезти оборудование и палатки.

Кой-Крылган-кала представляет собой круглое в плане монументальное сооружение, окруженное жилыми и хозяйственными постройками, которые скрывались за крепостной стеной с массивными башнями. В самом начале исследования этого необычного комплекса стало понятно, что речь идет о культовом сооружении, скорее всего, служившем центральным храмом государства на территории правобережья Амударьи в IV—II вв. до н. э. Кой-Крылган-кала раскопана полностью. Центральное здание сначала сочли мавзолеем хорезмийских царей, который, судя по плану, служил еще и обсерваторией. Немного позднее, когда были сделаны математические и астрономические расчеты, ученые пришли к одно-значному выводу, что Кой-Крылган-кала была храмом-обсерваторией, откуда жрецы наблюдали за ходом звезд и предсказывали время разливов Амударьи. Версия о мавзолее не подтвердилась: не было найдено следов захоронений, а обнаруженные оссуарии — костехра-

Топрак-кала. Архитектурная
реконструкция памятника.
Вид со стороны Высокого
дворца, 1949
 Черно-белая печать
 Научный архив Института
 этнологии и антропологии
 имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Али Шерри (р. 1976)

Окаменелые, 2016

Кадр из видео

Предоставлено художником
и *Galerie Imane Farès*

нилища, куда по зороастрийскому обряду помещали предварительно очищенные кости умерших, — относятся к более позднему периоду, чем строительство храма. В ходе раскопок было найдено большое количество теракотовых статуэток: в основном — изображений Великой богини, покровительницы вод Анахиты, а также фрагменты художественной керамики, в том числе рельефные сюжетные изображения на глиняных флягах и кувшинах. Наконец, в Кой-Крылган-кале обнаружены самые ранние памятники древнехорезмийской письменности, которые датируются не позднее II в. до н.э. Надписи были нанесены черной тушью на керамические черепки.

Именно во время раскопок этих двух памятников, когда молодые студенты и аспиранты ежедневно сопротивлялись с величественными руинами, формировался коллектив Хорезмской экспедиции. Каждый день, постепенно, в весьма неблагоприятных условиях раскопе складывались характеры и жизненные позиции будущих ученых. Именно на раскопках Топрак-калы и Кой-Крылган-калы создавалась уникальная общность, которую мы называем Хорезмской экспедицией. А это не только штатные сотрудники, но и десятки волонтеров — людей, изначально далеких от археологии, которые, попав в пустыню в первый раз, иногда даже случайно, оставались здесь на многие годы. Конечно, кроме живописных развалин древних крепостей и процесса расчистки помещений, очагов, погребений, который привлекает и даже завораживает, большую роль играл моральный климат экспедиции, заложенный еще в первые годы ее работы: свободное, ничем не ограниченное общение. Среди барханов, в брезентовой палатке на такыре, при четко расписанном распорядке дня — раскоп, обед, отдых, раскоп, ужин и долгожданные вечерние посиделки у костра — люди ощущали себя удивительно вольно. Каждодневные городские проблемы оставались дома, а здесь — совсем другая жизнь, новые люди, новые впечатления, крепости, черепки на такыре, весь древний Хорезм.

В 1956—1958 годах Сергей Толстов прочел цикл лекций по истории Хорезма и Южного Приаралья в крупнейших европейских университетах — Кембридже, Оксфорде, Школе живых восточных языков в Париже. В результате публикации материалов из раскопок этих и многих других замечательных памятников мир узнал о культуре древнего Хорезма, и она встала в один ряд с великими земледельческими цивилизациями Древнего Востока.

Официально последний сезон работ экспедиции завершился в 1991 году. Но закончилась ли на этом Хорезмская экспедиция как уникальное явление?

Кажется, нет. Живы еще люди, которые работали в пустыне в составе разных отрядов экспедиции. Существует огромное научное наследие в виде архива и коллекций, хранящихся в музеях не только России, но и бывших союзных республик. Не все материалы, полученные в ходе раскопок, обработаны и изучены должным образом, а некоторые и вовсе не опубликованы. К ним постоянно обращаются ученые не только из России, но и из других стран. Похоже, наступил следующий, качественно новый этап жизни экспедиции — время, когда нужно «собирать камни», то есть систематизировать, а зачастую и заново осмыслять на современном уровне тот огромный массив информации, который достался нам в наследство от уникальной Хорезмской археолого-этнографической экспедиции.

Александра Антонова Хрупкая и (чело)вечная?

Александра Антонова (р. 1999) — художник-реставратор отдела научной реставрации и археологической фиксации Государственного музея Востока. В 2024 году с отличием окончила Российский государственный художественно-промышленный университет имени С. Г. Строганова (кафедра реставрации монументально-декоративной живописи). С 2021 года ведет систематическую реставрационную и архивную обработку изобразительного искусства древнего Хорезма. Автор ряда докладов и публикаций по музеефикации и реставрации археологических находок Хорезмской экспедиции. Организатор и участник научно-методического семинара, посвященного юбилею Института реставрации (ГОСНИИР). В процессе исследования разработала метод создания цифровых реконструкций фрагментов монументальной живописи. Лауреат Всероссийского конкурса реставрационных научно-исследовательских работ Санкт-Петербургской художественно-промышленной академии имени А. Л. Штиглица в номинации «Реставрация монументально-декоративной живописи» (2024).

В 1940–1950-е годы в республиках советской Средней Азии развернулись масштабные археологические работы. Ученые открыли множество древних памятников, среди которых особое место занимает городище Топрак-кала (II–VI века), в начале первого тысячелетия нашей эры бывшее, по мнению ученых, столицей древнего Хорезма. Фрагменты монументальной живописи и скульптуры представляли собой серьезную проблему. Настоящим вызовом стало извлечение и сохранение предметов из раскопа. На тот момент реставрационные технологии не позволяли бережно работать с древней живописью, лишенной связующего вещества, с грунтом, частично или полностью растворенным почвенной влагой, с истлевшим растительным наполнителем, на котором держалась саманная штукатурка⁴. Непосредственной угрозой было и само вскрытие тысячелетнего завала: влага, испаряясь, выносила на поверхность соли, довершавшие процесс разрушения. Именно по этим причинам фрагменты живописи и скульптуры долгое время невозможно было изъять из раскопа, а их фиксация ограничивалась выполнением профессиональных акварельных и графических копий, снятием калек, черчением планов со схемами расположения в раскопе. Каждый из этих этапов подробно фиксировался на пленку. С середины 1940-х отечественные реставраторы начали внедрять технологии, позволяющие извлекать и перемещать фрагменты из раскопа и более детально исследовать их в лаборатории. Наиболее безопасным способом подъема и транспортировки оказалось заключение находок вместе с прилегающим лёссом⁵ в массивные гипсовые блоки. Предварительно все находки важно было укрепить и стабилизировать — для этого начали применять специальные составы.

Топрак-кала не только уникальный памятник истории и материальной культуры, но и феномен, объединяющий исследователей разных эпох: от момента открытия городища в 1938-м до современных интерпретаций и цифровых реконструкций. Хорезмские экспедиции отличались неизменно разноплановым подходом к изучению объекта. На месте древнего городища развернулся единственный в своем роде полигон, где испытывались новые методы научной работы — реставрации,

4 Традиционная для монументального искусства Древнего Востока техника живописи в качестве основы имеет глиняную штукатурку с добавкой рубленной соломы (саман). Грунт — тонкий белый слой гипса. Собственно живопись выполнена минеральными и органическими пигментами на растительном клею.

Шуй Цао (р. 1990)

С небес, она, 2025

Видеоинсталляция

Создано и произведено по заказу
Дома культуры «ГЭС-2»

анализа, атрибуции предметов. С изучением материалов древнего Хорезма связано формирование двух ведущих центров консервации живописи на лёссовом основании: первый сложился в Государственном Эрмитаже, второй — во Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных ценностей (ВЦНИЛКР, позднее — ГОСНИИР). На достижениях этих центров основаны современные методы обработки фрагментов живописи и скульптуры из археологического раскопа. Изъятие фрагментов выполняется укрепляющими растворами и армирующими материалами тонким слоем, который включает слой штукатурки, грунт и красочный слой. Такой способ работы позволяет осуществить подъем произведений значительных размеров. Участвующий в выставке фрагмент «Траурная сцена» (II–III вв.) был поднят из раскопа единым пластом.

После полевой консервации и упаковки находки направляются в мастерские для камеральной обработки⁶, требующей лабораторных условий. Она подразумевает укрепление — придание предмету оптимальной механической прочности; расчистку авторской поверхности от всех инородных наслоений; и реконструкцию цельного вида памятника, требующую анализа художественных и стилистических особенностей памятника, поиска аналогов.

Образцом полного цикла реставрации живописи Топрак-калы с последующей реконструкцией служат фрагменты монументального декора — «Дама с гирляндой», «Траурная сцена» и «Цветочная орнаментальная композиция в ромбовидной сетке», которые были обнаружены в процессе раскопок Северного комплекса, расположенного вне городских укреплений примерно в сотне метров к северу от двorca⁷. Два последних фрагмента отличаются солидным масштабом: на сегодняшний день это самые крупные участки древней росписи, освоенные реставраторами и дающие наглядное представление о грандиозности живописного убранства комплекса Топрак-кала⁸.

Одна из важнейших проблем в изучении археологической монументальной живописи и скульптуры — способ ее экспонирования. Как правило, чем масштабнее композиция, тем обширнее утраты, осложняющие восприятие произведения. Сегодня мы можем говорить о признанных методах консервации археологических артефактов, однако вопрос об экспонировании подобных произведений остается открытым. Если обнаруженные тонкие фрагменты живописи и рельефов реставраторы единодушно монтируют на имитирующие стену блоки, то методика работы с самими основаниями и с утратами красочного слоя — задача пока окончательно не решен-

5 Лёсс — пылевидное желтоватое песчано-мергелистое отложение, состоящее из глины, мельчайших зерен песка и углекислого кальция с различными примесями. В древности лёсс служил основным строительным материалом в Центральной Азии. Его использовали в том числе и для обмазки помещений: для этого лёсс заливали водой и перемешивали с рубленой соломой (саманом).

6 Камеральная работа — та, что проводится в помещении, в противоположность полевым работам. В научной методологии так называются лабораторные и экспериментальные исследования в подконтрольной среде.

7 Раскопки и исследования проводились сотрудниками Среднеазиатского сектора Отдела монументальной живописи (ОМЖ) Научно-исследовательского института реставрации в течение ряда лет (1978–1986, 1990, 1991). Камеральную обработку этих фрагментов осуществляли художники-реставраторы Наталья Ковалева и Галина Вересоцкая.

8 Так называемый Северный комплекс — несколько парадных зданий, которые располагались за пределами крепостной стены городища. Иногда в литературе это место называется Загородным дворцом.

Вадим Пентман
(1918 — нач. 1990-х)
Зал арфистки. Зарисовка
фрагмента стеной росписи.
Топрак-кала, 1946

Бумага, акварель
Научный архив Института
этнологии и антропологии
имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

9 Очень часто в процессе разрушения памятника живопись падает лицевой стороной вниз, авторский грунт рассыпается, а красочный слой отпечатывается на поверхности, с которой он соприкасался. Такой отпечаток оказывается зеркальным изображением оригинальной живописи.

10 Из рассказов С. П. Толстова: «В ясный октябрьский вечер 1938 года, когда наша маленькая разведочная группа поднялась на стены кушанской крепости Аяз-кала, с шестидесятиметровой высоты перед нами открылась широкая панорама пройденного и предстоящего пути. И наряду со знакомыми силуэтами развалин на юге и на востоке далеко на западе, за гладкой равниной бесплодных развалин и солончаков, на горизонте возник контур огромных развалин, увенчанных на северном крае могучими очертаниями трехбашенной цитадели. «Что это за крепость? — спросил я нашего проводника. — Это Топрак-кала. Там нет ничего интересного», — был лаконичный ответ. На следующий день наш караван подходил к неинтересной крепости». Ср.: Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. — Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. Ч. II. С. 164.

ная. Вопрос финального вида живописного фрагмента стоит так остро потому, что, по сути, предмет предстает перед зрителем и как документальное свидетельство, и как художественный образ.

Идея реконструкции и допустимого внедрения в предмет — одна из классических проблем реставрации. Современные компьютерные технологии дают возможность, сохраняя свойства достоверности, исключить внедрение в подлинник. Цифровая реконструкция — это гибкий инструмент, с помощью которого можно реализовать несколько версий первоначального облика произведения в виде вспомогательных табличек или баннеров, сопровождающих предмет, или реконструировать его с разной степенью детализации и допущения. Подобный технологический подход увеличивает художественную значимость предмета, позволяет вернуть его в первоначальный контекст как часть некогда цельного монументального ансамбля, превратить абстрактный «обломок» в деталь замысловатого раппорта или самостоятельной композиции. Особенно актуальны цифровые технологии в работе с отпечатками стенописи: представляется возможность отразить, наложить и совместить изображения⁹.

На протяжении долгих лет научная обработка материалов Топрак-калы состояла из поиска и подбора разрозненных частей ансамбля по фрагментам из завалов обрушенных строений. Кропотливый процесс будоражил воображение, заставляя задуматься о том, каким могло быть убранство комплекса. До нас дошло большое количество схематичных зарисовок персонажей, загадочных пятен краски и контуров фигур. Все они давали простор для исследований, творчества, живого интереса специалистов. Нередко акварельная копия художника в итоге оказывалась единственным дошедшим до нас подлинником стенописей.

Сегодня городище Топрак-кала — это комплекс смыслов и визуальных образов, который объединял коллектив ученых, художников, архитекторов, реставраторов и всех неравнодушных с тех пор, как «неинтересной крепостью»¹⁰, покрытой песком, заинтересовался Сергей Толстов. Выставка «Не слитно, не раздельно» предоставляет современникам возможность соприкоснуться с культурой древней хорезмийской цивилизации и дает новый импульс к изучению архивных рисунков, дневников и фотодокументов прошлых экспедиций.

Анна Дауманн

История хранения и утраты культурных ценностей Хорезмской экспедиции

Анна Дауманн (р. 1989) — искусствовед и археолог. Окончила отделение истории искусств МГУ (2012) и магистерскую программу «Античная и Восточная археология» в НИУ ВШЭ (2021). Сотрудник музейного отдела Института этнологии и антропологии РАН, участник Южно-Приаральской Каракалпакско-Российской комплексной археологической экспедиции (ЮПКРКАЭ) на памятнике Большая Кырк-Кыз-кала.

Каждый полевой сезон, начиная с самого первого, 1937 года, отряды Хорезмской экспедиции совершали десятки тысяч археологических находок. Все они каждый год отправлялись из пустыни Кызылкум в Москву на хранение и изучение.

Это наследие, безусловно, заслуживало отдельного музея, но за полвека работы экспедиции он так и не был создан, а в 1990-е ее деятельность скоропостижно прервалась. К этому моменту коллекция, насчитывающая 3 994 196 предметов со 117 памятников, а также порядка 1000 единиц антропологических материалов, размещалась в шести столичных подвалах¹¹ общей площадью 937 кв. м. Экономический коллапс поднял цены на аренду помещений в сотни раз, разрушив систему хранения древностей¹².

Когда возникла угроза утраты хранилищ, сотрудники отдела этноархеологии Института этнологии и антропологии РАН пытались ходатайствовать перед директором: писали письма и докладные, просили продлить аренду хотя бы на Фестивальной улице или предоставить другие помещения, необходимые для продолжения научной работы с коллекциями и подготовки публикаций. К сожалению, руководство не смогло пойти навстречу требованиям ученых.

По сохранившимся свидетельствам, сотрудники экспедиции искали помощи не только у института, но и у частных лиц. В составленном в 1992 году обращении к предпринимателю Владимиру Штернфельду (р. 1937) описываются не только проблемы финансового характера, но и план, согласно которому средства, вложенные в спасение коллекции, предлагалось окупать выставочной и издательской деятельностью в России и за рубежом. Как видно из дальнейших событий, ответа не последовало.

Сотрудники сектора были вынуждены прервать научную работу, распланированную на десятилетие вперед, и посвятить все время передаче коллекций института в музеи Средней Азии и Москвы. Остановка их научной деятельности нанесла огромный урон среднеазиатской археологии и российской науке в целом, поскольку Хорезмская экспедиция играла ведущую роль в изучении Среднеазиатского региона на протяжении

¹¹ Два подвала на Фестивальной улице, три — на Ленинском проспекте, и один — на улице Дмитрия Ульянова.

¹² Стоит отметить, что с подобными проблемами сталкивались и институции, у которых имелись собственные хранилища. Выгода от аренды превышала представление о ценности коллекций не в одном учреждении науки и культуры. Коллекции активировались, то есть списывались, признавались недостаточно значимыми. Трагедия утраты помещений, а значит и возможности хранить музейные предметы, коснулась многих научных организаций современной России.

более полувека и определяла ход исследований Южного Приаралья.

Средний возраст сотрудников к началу 1990-х составлял 60–70 лет: время, подходящее для написания научных трудов, но никак не для тяжелых физических нагрузок — разбора и перемещения коллекций. Были прерваны работы над многими запланированными научными темами. Так, например, Бэлла Ильинична Вайнберг (1932–2010) в конце 1994 года сообщала, что сборник «Калалы-гыр 2 — культовый центр в древнем Хорезме», который планировался на 1995 год, не может быть сдан в срок, так как все время ушло на упаковку и перевозку коллекций. Как следует из других источников, издание этой работы планировалось совместно с Каракалпакским институтом истории, археологии и этнографии, но, поскольку все научные организации в Узбекистане полностью перешли на национальный язык, из этого ничего не вышло. Затормозила работу и эмиграция двух молодых сотрудников экспедиции, Семена Михайловича Колякова (р. 1947) и Марины Юрьевны Полонской (р. 1958), которые в качестве начальников раскопа участвовали в исследованиях Калалы-гыр 2 в 1985–1991 годах. Книга¹³ была издана лишь спустя десять лет, в 2004 году, после передачи коллекции в фонды Государственного музея Востока, где она стала основой постоянной археологической экспозиции. Ранее, в 1992-м, по тем же причинам издание сборника «Археология Приаралья. Древнейший, древний и средневековый Хорезм и его скотоводческая периферия» так и осталось в планах, несмотря на то, что в процессе работы над ним тема была сужена, а затем пришлось отказаться от изобразительного материала.

Многие другие заявленные на начало 1990-х монографии так никогда и не увидели свет. Фундаментальный труд Милицы Георгиевны Воробьевой (1914–1991), посвященный хорезмийской терракоте, до сих пор не издан. Юрий Александрович Рапопорт (1924–2009) и Ольга Александровна Вишневская (1923–1998) не успели завершить монографию о древнейшем хорезмийском городе Кюзели-гыр (VII–V вв. до н. э.)¹⁴. Из сообщения Юрия Рапопорта: «В 1992–1995 гг. <...> участвовал в срочном освобождении хранилищ, разборке, упаковке и раскладке керамических материалов на новом месте. Составил и отпечатал описи со всеми данными о каждой индивидуальной находке, передаваемой Музею Востока».

Для сохранения коллекций сотрудникам было предложено единственное решение — передать находки бывшим союзным республикам. Одновременно представители центральноазиатских музеев и учреждений культуры направляли в Институт этнологии и антропологии запросы с требованием вернуть коллекции

¹³ Вайнберг Б. И. (ред.) Калалы-гыр 2. Культовый центр в Древнем Хорезме. М.: Восточная литература, 2004.

¹⁴ Вишневская и Рапопорт руководили раскопками памятника в течение восьми полевых сезонов. Плоды раскопок 1953–1954 годов были переданы в 1992-м в Музей-заповедник Куля-Ургенч (3900 находок, в основном массовый керамический материал, предметы из камня и кости). В Государственном музее Востока в 1994-м оказались находки из раскопок 1967–1982 годов (2143 единицы хранения: керамика, украшения, бусы, наконечники стрел, орудия труда).

15 Подобные обращения в 1989–1991 годах исходили также от руководства Института истории и археологии Казахской ССР. Однако интерес неизменно вызывали лишь наиболее ценные, экспозиционные вещи, изделия из драгоценных металлов, ювелирные украшения. В полном объеме коллекция из Казахстана насчитывала сотни тысяч единиц хранения и требовала значительных площадей для размещения.

16 Начиная с 1990 года в связи с принятием закона о собственности УзССР археологический материал раскопок, проводившихся на территории Узбекистана, требовалось сдавать по описям и актам на хранение в Нукус. Вдобавок уже в 1986 года руководство Института археологии Узбекистана требовало вернуть все обработанные материалы по месту происхождения, хоть и не имело для этого достаточных фондохранилищ. В 1991 году ситуация изменилась: теперь российский Институт этнологии и антропологии сам просил принять коллекции. В первую очередь были отправлены материалы археолого-топографического отряда 1950–х годов и керамические материалы Кой-Крылган-калы. В краеведческий музей Каракалпакстана в 1991 году предложили передать коллекции топографического отряда экспедиции 1950–х, а также керамические материалы раскопок городища Топрак-кала. В 1994–1995 годах в только что созданный музей в Хиве были переданы материалы из раскопок памятников Аяз-кала 2, Кават-кала, Базар-кала, а также археологические коллекции эпохи бронзы, в том числе полностью раскопанного поселения эпохи поздней бронзы Якке-Парсан 2 (фрагменты керамики, не имевшие материальной и художественной ценности). Показательно, что наиболее теплая переписка о передаче коллекций в эти непростые времена велась с Музеем искусств имени И. В. Савицкого. В ней постоянно обсуждалась возможность найти финансирование для перевозки предметов, несмотря на тяжелое положение бюджета республики.

в места их происхождения. В 1993–1994 годах институт посещали представители Казахстана¹⁵, Узбекистана¹⁶ и Туркменистана¹⁷, но их главным образом интересовали значимые, эталонные вещи. Сотрудники экспедиции, однако, настаивали на соблюдении музейного закона, требующего передавать археологические коллекции неделимо, в полном объеме.

Надо сказать, что и до кризиса с хранилищами достояние экспедиции находилось не в лучших условиях. Аварийные подвальные помещения нередко заливало горячей водой, иногда случались пожары, предметы гибли.

Перед передачей коллекций пришлось списать наименее ценный, изученный и опубликованный массовый материал. В 1993 году в музеи Туркменистана и Узбекистана в восьми большегрузных контейнерах было отправлено более 1 200 000 единиц хранения, в 1994–м более 140 000 предметов оказалось в музеях Узбекистана.

Отдельные материалы Хорезмской экспедиции еще в 1970–1980–е годы передавали в музеи Москвы, Санкт-Петербурга, Узбекистана и Казахстана.

Предметы, не введенные в научный оборот, а также находки, нуждающиеся в реставрации, были переданы в Государственный исторический музей и Государственный музей народов Востока. В частности, в последний из хранилища по адресу Ленинский проспект, 61/1, были вывезены материалы на шести грузовых машинах¹⁸. На начало 1995 года последние 90 000 находок оставались в двух подвальных хранилищах на Фестивальной улице (д. 23 и 27).

Сектор вынужден был отказаться и от базы площадью 128 кв. м в нукусском ботаническом саду, где с 1950–х годов работали с находками перед отправкой их в Москву.

В 1993–1996 годах было разобрано, частично списано и подготовлено к передаче почти четыре миллиона вещей, при том, что годовая норма обработки материалов для научного сотрудника в то время составляла немногим более 100 предметов. Свыше двух миллионов предметов было по актам передано в музеи стран СНГ и Москвы. В Казахстане пополнились музеи Караганды, Лисаковска, Байконура и др. В Узбекистане — музей-заповедник Хивы¹⁹. В Туркмении — археологический заповедник Куня-Ургенч и другие. Отправка 12 контейнеров с находками в страны СНГ производилась за счет новых владельцев.

В Москве одним из бенефициаров стал только что сформированный музей при Российском археологическом обществе — РАО. В начале 1993 года общество обратилось к заведующей сектором этноархеологии Ларисе

Михайловне Левиной (1932–2022) с просьбой передать в музей РАО оставшиеся в подвалах на Фестивальной улице археологические материалы. 121 624 единицы хранения со 118 памятников (в основном массовый материал) были полностью вывезены в хранилища РАО в конце 1994-го. Позднее эта коллекция оказалась в московской гимназии № 1505, чей директор предоставил для нее помещение. На базе коллекции был организован школьный музей, работал археологический кружок, члены которого учились основам реставрации и составляли опись ценностей. Спустя 30 лет новое руководство школы вернуло коллекцию в институт, но судьба ее все еще не устроена.

Вся эта огромная, чрезвычайно сложная и тяжелая работа по разборке хранилищ, передаче и активированию предметов велась исключительно силами сотрудников сектора этноархеологии на остатки средств, выделенных на экспедицию, без дополнительного финансирования из бюджета института. Тяжелый физический труд сопровождался еще и бумажной работой: составлением актов, описей, сопроводительных писем. Параллельно в порядок приводился архив экспедиции, содержащий уникальные археологические и этнографические материалы с середины 1930-х годов: чертежи, рисунки, дневники, фотографии, отчеты.

Последний большой полевой сезон Хорезмской экспедиции состоялся в 1991 году. Полевые работы, обычно занимавшие важное место в исследованиях сектора, не проводились с 1992 года, хотя отдельные сотрудники продолжали участвовать в экспедициях на территории Казахстана (1994–1996), Узбекистана (1994), Туркмении (1993–1994). Из-за распада Советского Союза, непростого экономического положения в бывших республиках Средней Азии и общей нестабильности по инициативе заказчика были прерваны договоры об археологических работах в Узбекистане. Лишь в 1996–1997 годах за счет Института археологии Академии наук Узбекистана и Музея-заповедника «Ичан-кала» в Хиве были проведены полевые работы в районе Хазараспа. Казахская академия наук, невзирая на политические и экономические сложности, выдала разрешение на археологические работы в 1992–1993 годах. Полученные средства сектор был вынужден использовать на упорядочение и обработку археологических и антропологических коллекций, подготовку к ликвидации хранилищ, а также подготовку и издание публикаций.

К началу 2000-х многих сотрудников сектора не стало, другие были вынуждены сменить место работы или эмигрировать. В 2002 году сектор расформировали, хотя многие дела, в том числе и передачу коллекций, завершить так и не удалось. Работа с остатками коллек-

17 Иначе обстояли дела с передачей коллекций, происходивших из Туркмении, где экспедиция работала с 1939-го. Многочисленные просьбы забрать коллекции в Музей-заповедник Куня-Ургенч не сразу увенчались успехом. В письме министру культуры Туркменистана от 14 апреля 1992 года рассказывается о катастрофической ситуации с хранилищами, арендная плата за которые из-за инфляции возросла в 300 раз только за год. Находки, сделанные среди памятников Ташаузской области и Тюямуюнского водохранилища (Садвар, Капарас, Елхарас), которые остались единственным свидетельством существования ушедших под воду древностей, были переданы в музей города Чарджоу только в конце 1992 года. Археологические коллекции из раскопок курганных могильников левобережного Хорезма в том же году попали в Музей-заповедник Куня-Ургенч.

18 Безусловно, крупные передачи коллекций происходили и до 1990-х. Например, в 1971 году Эрмитаж пополнился 801 предметом, включая росписи и барельефы из дворца Топрак-калы, которые участвуют в выставке, оссуарии из Калалы-гыра и др.

19 По устному свидетельству ученых и археологов, работающих в этом регионе, многие материалы до сих пор хранятся в нераспечатанном виде.

ций Хорезмской экспедиции вновь возобновилась лишь в 2022 году с приходом в институт новых сотрудников.

Сегодня культурные ценности экспедиции разбросаны по миру — их можно встретить в 13 музеях четырех стран, и представить место, где коллекция вновь окажется сведена воедино, невозможно. Однако Хорезмская экспедиция продолжает существовать в информационном поле через объединяющие разрозненные собрания выставки, публикации, а также через единственную экспедицию с участием российских ученых в песках Каракалпакии — на памятнике Большая Кырк-Кыз-кала. Музей экспедиции, возможно, когда-нибудь тоже появится, но теперь уже виртуальный.

Тигран Мкртычев

Археология — это такая наука...

Тигран Мкртычев (р. 1959) — доктор искусствоведения, специалист по древнему искусству Средней Азии. Учился на кафедре археологии Средней Азии Ташкентского университета. Еще в период учебы начал работать у известного историка искусства Средней Азии Лазаря Израилевича Ремпеля, под его руководством защитил кандидатскую диссертацию. В 1985—2021 годах работал в Государственном музее Востока (Москва): сначала старшим научным сотрудником, затем заведующим сектором археологии Средней Азии, заместителем директора по научной работе и, наконец, директором филиала. Еще в школьные годы участвовал в Верхневолжской археологической экспедиции Калининского университета. В дальнейшем работал во множестве археологических экспедиций Средней Азии как сотрудник и как руководитель: Старый Мерв (Маргиана), Ахсикент (Фергана), Дурмонтепа (Самаркандский Согд), Варакша (Бухарский Согд), Кара-Тепе, Кампыртепа (Северная Бактрия). Участвовал в раскопках памятников на городище Сенгим-агыз (Синьцзян). В 2003 году защитил докторскую диссертацию по древнему буддийскому искусству Средней Азии. В 2021—2025 годах был директором Государственного музея искусств Каракалпакстана имени И. В. Савицкого в Нукусе (Республика Узбекистан). В это время в фокусе его интересов оказались история Хорезмской археолого-этнографической экспедиции и городище Миздахкан, расположенное недалеко от Нукуса.

Честно говоря, не очень понимаю, могу ли я называть себя археологом.

Много лет назад я окончил кафедру археологии Средней Азии Ташкентского государственного университета, но в моем красном дипломе написано: «Преподаватель истории и обществоведения». Про археологию ни слова. Впоследствии мне доводилось преподавать, но не в школе.

Археология в моем случае — обдуманый детский выбор. Все считают, что в этом возрасте главная мотивация — романтика, приключения. У меня было несколько иначе. Фильм про Индиану Джонса я увидел много позднее.

Первая причина, по которой я решил стать археологом, — книги. В третьем классе я прочитал несколько произведений Явдата Ильясова (1929—1982) о среднеазиатском походе Александра Македонского, о каких-то согдийцах и прочих среднеазиатских древностях. Я ничего не знал ни про автора, ни про Среднюю Азию, на территории которой разворачивалось повествование. Главное было в другом: древняя история, описанная удивительно глубоко и подробно (позднее стало ясно, что еще и очень эмоционально), заставила меня задуматься: каким образом автор все это узнал? Точно не помню, откуда возник ответ: древняя история создается на основе исторических источников и археологии. Решение пришло сразу: стану археологом и буду писать такие же интересные книги.

Вторая причина — окружающая советская действительность. Сразу хочу сказать, что у меня были прекрасные родители и более чем благополучная семья. Мои родители не относили себя к диссидентам и не обсуждали со мной современную политику. Отец был коммунистом, руководителем разных уровней, в том числе директором больших заводов. Однако мой собственный опыт общественной жизни в школе наглядно показывал, что существует огромная разница между тем, что декларируется телевизором, газетами, учителями, и тем, что происходит вокруг. Археология давала прекрасную возможность не участвовать в «современности». По крайней мере, мне тогда так казалось. Это был еще один плюс при выборе профессии.

Альфред Ашкинезер (1921–19??)
Профессор Толстов сверяет по карте маршрут экспедиции по трассе Главного Туркменского канала, 1950

Бумага, цифровая печать
Российский государственный
архив кинофотофонодокументов

Я поехал учиться в Ташкентский университет в наивной попытке найти доступный способ поступления на исторический факультет. В то время университеты Москвы, Ленинграда, Киева воспринимались как недо-стижимые вершины. Сейчас об этом никто и не помнит, а во второй половине 1970-х истфак был идеологическим факультетом, важным в первую очередь кафедрой истории КПСС (руководящей силы советского народа). Диплом исторического факультета давал прекрасную возможность делать безбедную и не очень хлопотную карьеру партийного работника. Кафедры археологии оставались уделом романтиков и маргиналов, но пробиться в их число в столичных университетах было крайне сложно. Выбор далекого Ташкента был вынужденным, и я намеревался после окончания первого курса перевестись в Москву или Ленинград.

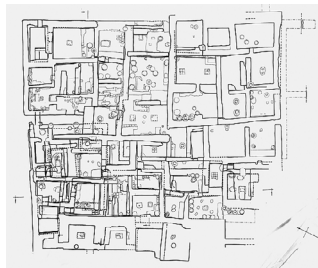
Первый год мне было очень тяжело на Востоке: са-мостоятельная жизнь, другие люди, другое восприятие действительности. Все другое. В Ташкенте я чувствовал себя эмигрантом. Хотя в «эмиграцию» выехал, в общем, добровольно, да и дело происходило внутри одной страны. Но в очень разных частях: Калинин (нынешняя Тверь), где я родился и окончил школу, ничем не походил на Ташкент, где я учился. В то сложное время мне вспомнился далекий земляк, тверской купец Афанасий Никитин с его «Хожением за три моря» (1466–1472). Я стал иногда подписываться его именем. Примерно через год я все-таки сумел погрузиться в «пыль Востока» и сделаться частичкой этой пыли. Не все, но многое я принял как должное — как и Афанасий Никитин.

Археология Средней Азии оказалась (на мой взгляд) на порядок круче археологии средней полосы России, где мне в школьные годы уже довелось участвовать в экспедиции. Контраст был космических масштабов. Когда я впервые поднялся на крепостную стену Гяур-калы (II в. до н. э. — VII в. н. э.), мне открылся ландшафт, напоминающий Луну: повсюду были раскиданы тысячи и тысячи осколков керамики, свидетель-ствовавших о древности и величии этого города. Я сразу вспомнил свою первую находку — небольшой фрагмент славянского горшка, заботливо подброшенный начальницей раскопа для поддержания моего затухающего энтузиазма. А тут прямо на земле — на археологическом сленге «в подьемке» — можно было найти черт знает что! Позднее, уже не в Мерве, на других среднеазиатских городищах, мне доводилось обнаруживать немало восхитительных сокровищ: и золото (если честно, то золотую фольгу), и большой серебряный перстень с сердоликом (сейчас в коллекции Музея Востока), и красивые бирю-зовые бусины. Сбор подъемного археологического

Владимир Пилявский
(1910–1984)
Крепость Аяз-кала 2.
Общий вид, 1939

Фотокопия рисунка акварелью
(копия негатива на стекле)
Музей архитектуры имени
А. В. Щусева

Городище. Нижний горизонт.

Топрак-кала, 1975

Калька, тушь

Научный архив Института
этнологии и антропологии имени
Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Н. А. Юсов

Фрагмент стеной росписи.

Топрак-кала, 1950

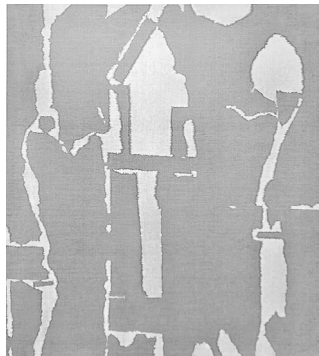
Бумага, наклеенная на картон,
акварель

Научный архив Института
этнологии и антропологии имени
Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

материала гораздо увлекательнее собирания грибов. И не потому, что я не люблю собирать грибы: это другой — высший — класс свободного поиска, поиск следов времени. Впрочем, и в годы моей юности, и сейчас этот вид деятельности, особенно в исполнении непрофессионалов — «черных копателей» с миноискателями — археологи осуждают. Итак, археология в очень условном определении — это поиск того, что ты никогда не терял. Неизвестность и надежда, сведенные воедино. Именно на этой хрупкой мотивации частично строится археология, а из нее вырастает и вся дописываемая история.

Археологическая экспедиция — это вариант подводной лодки или орбитальной космической станции. Как правило, она предполагает автономную работу вдали от Большой земли — никто не будет лишним раз посылать челнок на орбиту, чтобы привезти порцию новых лопат. В вашем подводном или летательном аппарате должна быть профессиональная, надежная, стрессоустойчивая команда. Прошли те благословенные времена, когда археология была уделом отважных одиночек, руководивших отрядом ничего не понимающих исполнителей. Сейчас в состав археологической экспедиции входят не только привычные реставраторы, фотографы, архитекторы, но и множество специалистов с естественно-научным образованием. Однако лично у меня по их поводу до сих пор остаются некоторые сомнения, особенно когда с помощью разных физических методов пытаются определить перспективные участки для раскопок. Впрочем, я еще застал вполне романтические времена — палатки, пустыня, обычный нивелир, лопата, раскопачный нож, кисточка, научная интуиция, удача. В те годы снимки раскопа сверху делал фотограф, балансируя на верхних ступеньках стремянки. Сегодня этим делом занимаются беспилотные аппараты. Когда-то аэрофотосъемка воспринималась как космос, а сейчас есть космические панорамы *Google Earth*.

Жизнь на месте не стоит. На одном и том же месте находятся памятники, которые изучает археология. Их можно разрушить, но сложно подвинуть. Несмотря на весь технический прогресс, археология по-прежнему остается наукой, которая при изучении уничтожает материальные слои прошлого. И это необратимый процесс. Во время раскопок нередко достается и объекту исследования, ведь определенные этапы существования памятника неминуемо уничтожаются. Современный археолог приносит непоправимые изменения в материальные следы прошлого. И этот вред пока невозможно исправить. Однако, если абстрагироваться от рассуждений об этих негативных последствиях, археологическая экспедиция, на мой взгляд, — лучшее место для того, чтобы выбить

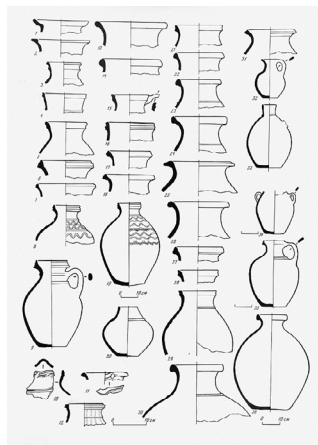
Александра Сухарева (р. 1983)
Портрет сквозь преграду, 2025
 Холст, хлор
 Создано и произведено по заказу
 Дома культуры «ГЭС-2»

из головы весь наносной бред настоящего времени. На раскопе при некотором желании легко погрузиться в пучину прошлого, в котором ты никогда не был. Такая ситуация прекрасно чистит мозги. Археологическая экспедиция — реальная машина времени. Из настоящего в прошлое, а потом в будущее. Такая лента Мёбиуса.

Жизнь на Востоке и археология научили меня видеть цикличность и закономерность событий. Так, в Ташкенте сложилась моя дружба с сыном того самого писателя, благодаря которому я захотел стать археологом. Мой друг — тоже археолог и один из моих постоянных соавторов. И думаю, что высокий уровень произведений его отца служит дополнительным стимулом в нашем «творчестве», как мы привыкли называть совместные научные изыскания.

Еще один круг судьбы связан с моим научным руководителем, у которого я долгие годы работал помощником, а потом стал аспирантом. В 1937 году тогда еще молодой ученый был репрессирован и выслан из Москвы в Бухару как член семьи врага народа. По отношению к нему это было верхом гуманизма. Его жену расстреляли. Оказавшись в Средней Азии в бесправном положении (долгое время у него не было возможности официально устроиться на работу), он сумел свою научную жизнь построить на том материале, который, что называется, был под рукой. В Ташкенте он стал абсолютным классиком истории искусства. Уверен, что, если бы не еврейское происхождение, Лазарь Израилевич Ремпель (1907–1992) был бы академиком. До сих пор очень жалею, что не записывал беседы с ним. Так вот, оказалось, что в 1929–1930 годах он недолгое время работал заместителем директора по науке в Государственном музее восточных культур в Москве. Годы спустя я более десяти лет занимал должность заместителя директора по научной работе... в Музее Востока (новое название Государственного музея восточных культур).

Как-то у Ремпеля за чаем я случайно встретился со странным человеком — очень худым, с необыкновенно высоким, почти женским голосом. Так я познакомился с Игорем Витальевичем Савицким (1915–1984). Он был художником, но очень любил археологию и в результате бросил собственное творчество, начал коллекционировать каракалпакское народное искусство, создал музей и многие годы работал там директором. Уже после смерти Савицкого музей назвали в его честь. Так получилось, что после окончания кафедры археологии я защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию по искусствоведению. Оба исследования были посвящены древнему искусству. Поэтому для археологов я — искусствовед, а для искусствоведов — археолог.

Посуда из Топрак-калы, 1980

Бумага, репродукция
Научный архив Института
этнологии и антропологии имени
Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

По внешнему виду (включаются стереотипы) меня часто принимают за художника. И какое-то время я работал директором в Музее Савицкого. Так бывает.

Один из пиков моей археологической карьеры пришелся на поздние советские годы. Советский Союз разваливался, а я копал памятник мечты — буддийский культовый центр Кара-тепе (I–VI вв.) в Старом Термезе на юге Узбекистана. В этом памятнике парадокс громоздился на парадоксе. Кара-тепе располагался недалеко от берега Амударьи, в закрытой пограничной зоне. За «колючкой». Река текла совсем рядом, но выйти на берег было невозможно: вдоль берега проходила нейтральная полоса, отделенная перепаханной землей и ограждением из колючей проволоки. За рекой находился Афганистан, где шла война. Закрытые государственные границы современности противопоставлялись открытости мира двухтысячелетней давности, когда буддийские миссионеры свободно перемещались из Индии в Китай через Среднюю Азию. В годы, когда я работал на памятнике, один из холмов, где располагались буддийские пещеры, служил задником военного стрельбища. И бестелесные призраки буддийских монахов древности, чьим основным принципом было «не причины вреда живому», с завидной регулярностью расстреливались из всех видов современного оружия. Природа и жизнь добавляли впечатлений. Я часто видел, как в голубом осеннем небе прямо над Кара-тепе перестраивались летящие в Индию журавли. Там же, в небе, стрекотали «вертушки», спешившие на задание в Афган.

Время внесло изменения в судьбу буддийского монастыря. Судя по найденным материалам, после того, как буддисты ушли из Кара-тепе, заброшенные пещеры служили пристанищем и для представителей некой христианской секты, и для мусульманских отшельников. Аура буддийского учения, витавшая над покинутым Кара-тепе, оказала влияние на мировоззрение знаменитого суфийского мыслителя Хакима ат-Термизи (ок. 755–869), жившего и похороненного в Старом Термезе. Его мавзолей был одним из моих любимых мест. Сегодня стрельбище убрали, «колючку» снесли, Кара-тепе открыли для посещения и собираются реставрировать. А скромный мавзолей суфия «отреставрировали», и он превратился в популярное место паломничества, окруженное обычной коммерцией. С мраморного надгробия Хакима ат-Термизи сделали точную копию и поставили рядом в музее. Надгробий стало два — святыни, как им и положено, умножаются. Благозность сменилась суетностью.

Сегодня полевая археология для меня — воспоминания старого ковбоя, преследующего собутыльников в захолустном салуне рассказами о подвигах своей

**Кисть археолога в раскопе.
Топрак-кала, 1949**

Черно-белая печать
Научный архив Института
этнологии и антропологии
имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

юности. Однако лента Мёбиуса работает и время от времени выносит меня в плоскость моего прошлого. Не надо говорить, что это дежавю. У меня пока все в порядке с психикой. Это реальность.

Майским вечером, после долгого и бессмысленного рабочего дня и бесконечных заседаний, я вызвал шофера и попросил отвезти меня к друзьям в археологическую экспедицию. Через три часа чудовищной дороги мы выехали на ровный такыр, где расположился лагерь. В сумерках вдали виднелись стены древнего памятника, а над пустыней вылезала огромная луна, которая повисла над старыми, выдавшими виды палатками хорезмской экспедиции. У одного из моих друзей был день рождения. Встречавшие меня люди не ушли из своего «племени археологов», и у меня возникло ощущение, что я оказался в индейской резервации, где сохранились старые обычаи, где продолжают охотиться с луком и стрелами, а владение огнестрельным оружием — такая же необходимость, как умение пользоваться интернетом. Мы долго сидели за грубо сколоченным столом при свете тусклой лампочки — работал генератор. Пили, ели, вспоминали, делились радостями и проблемами. Я быстро перешел на археологический язык, на котором сейчас мне приходится говорить очень и очень редко. Потом, когда все начали расходиться, я выбрался из палатки в ночь и долго смотрел на едва заметный силуэт археологического памятника. Казалось, будто в темноте передо мной проходят тени моих учителей Великой Среднеазиатской Археологии.

Утром я уже сидел в своем кабинете и проводил директорат.

Ярослав Алешин Катерина Чучалина Не слитно, не раздельно

Шуй Цао (р. 1990)

С небес, она, 2025

Видеоинсталляция

Создано и произведено по заказу

Дома культуры «ГЭС-2»

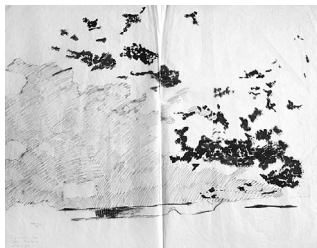
На первый взгляд может показаться, что выставка «Не слитно, не раздельно» посвящена одному большому советскому научному проекту — Хорезмской археолого-этнографической экспедиции: ее истории, героям и результатам. Однако это не совсем так. Проект прежде всего стал итогом размышлений о модернизме — и его не всегда очевидных, но тесных и глубоких связях с практиками археологии.

Модернизм как общая тенденция культуры XX века мыслил будущее новой, лучшей ступенью развития общества. В советском же изводе модернизм не только исходил из исторического прогресса, но и подчеркнуто преодолевал прошлое, часто становясь его зеркальным, перевернутым отражением. Завтра могло оказаться светлым, лишь будучи оттененным историей минувших веков.

Эти особые отношения между будущим и прошлым стали одним из источников постоянного напряжения в советской культуре. С одной стороны, они породили невиданных масштабов проекты преобразования природы и жизни: трансконтинентальные транспортные пути, сооружение каналов и электростанций, строительство новых городов и перемещение тысяч людей. Передним краем, эмблемой этих усилий стали многочисленные экспедиции: изыскательские, геологические, археологические. С другой стороны, именно такая деятельность открыла массу возможностей для ускользания и эскапизма, сохранения верности себе там, куда не проникает вездесущий идеологический контроль. И археологические экспедиции в Центральной Азии относятся к наиболее ярким проявлениям этого парадокса.

Начавшись в 1937 году на территории Узбекистана, Казахстана и Туркмении под руководством академика Сергея Павловича Толстова, Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция завершилась лишь с распадом Советского Союза и оказалась беспрецедентной в истории советской археологии как по масштабам, так и по продолжительности.

Интерес к памятникам цивилизации, которую сам Толстов называл «среднеазиатским Египтом», был обусловлен не только потребностями исторической науки. Работы археологов разворачивались параллельно с грандиозными гидротехническими проектами. За уче-

Контуры многофигурной стеной росписи. Северный комплекс, Топрак-кала, 1970

Бумага, калька, акварель, тушь

Научный архив Института этнологии и антропологии

имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН

Оссуарий в виде сидящей женской фигуры.

Кой-Крылган-кала, I—II вв.

Обожженная глина

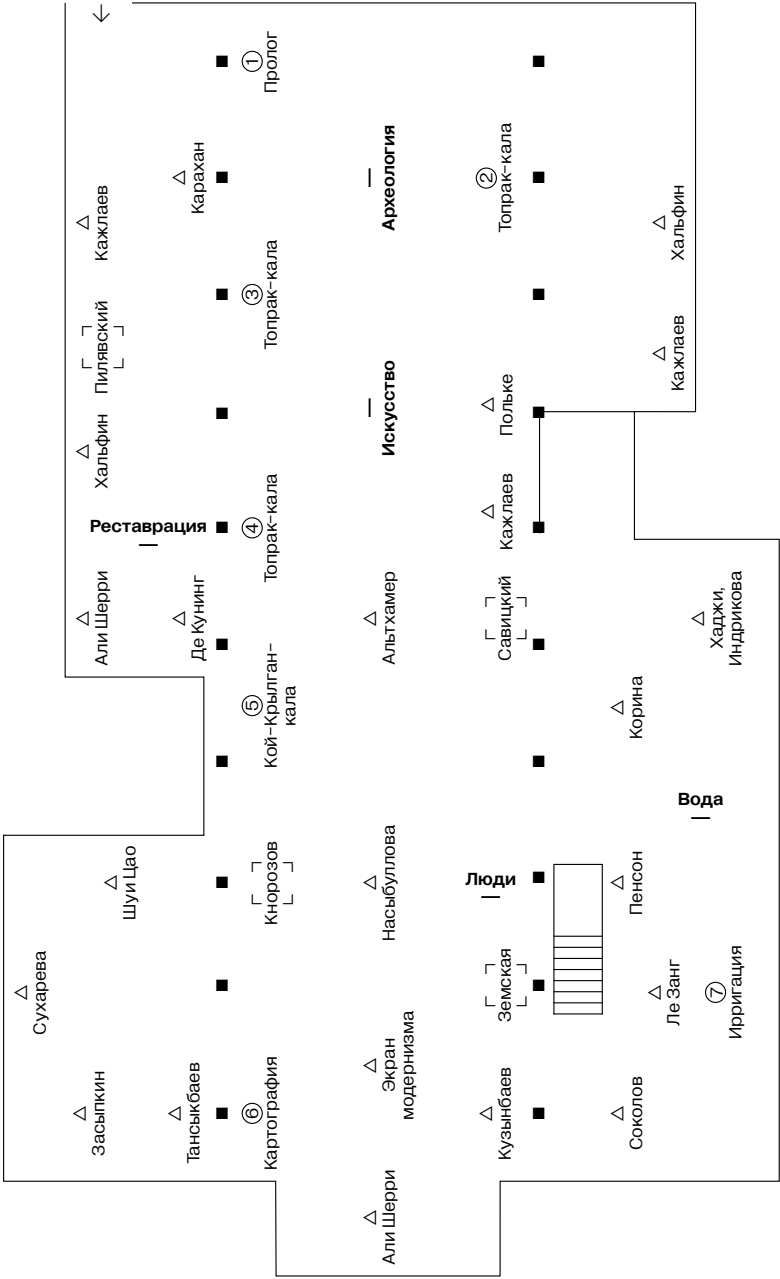
Государственный музей Востока

Фотография: Евгений Желтов

ными, которые раскапывали древнюю ирригационную культуру, шли инженеры и строители каналов, чтобы превратить пустыни Центральной Азии в цветущие поля. Однако по мере того, как облик древнего Хорезма воскресал из небытия, река Амударья и Аральское море, в течение столетий бывшие основой его жизни, постепенно иссыхали, пока не исчезли почти совсем. На зеркальном сопоставлении подобных явлений — реконструируемого прошлого и проектируемого завтра, работы ученого, наносящего на пески археологическую разметку, и архитектора, рисующего в пустыне будущие города, наконец, человеческих усилий по удержанию, с одной стороны, прошлого, а с другой — обычной воды, и строится общая драматургия экспозиции.

Метафора археологической экспедиции определила и саму форму проекта. По методу сборки он следует логике работы археолога или реставратора. Фрагментированность, осколочность, остаточность — свойства археологического материала; археолог достраивает, домысливает, пересобирает и изобретает новое из кусочков материи, сохраняя открытость к разным конфигурациям и интерпретациям материала. Археология противостоит цельному образу, завершенному, удобному, «хорошо склеенному» и музеефицированному историческому знанию. В своем современном изводе она представляет собой процесс, призванный обозначать утраченные звенья и связи, сохранять швы и склейки, разнородность материалов, разноуровневость действующих лиц и событий. Археология — суть неустанное соединение элементов, отчасти принадлежащих воображаемому, фантомному. Создание новых связей позволяет ей размыкать системы и разрушать автономию отдельно взятого события и его истории.

Как и сама археология, выставка соединяет разноразличные фрагменты, события древности и современности: археологические находки из коллекций Музея Востока, Эрмитажа и Института этнологии и антропологии РАН, материалы и документы из архива экспедиции, а также экспонаты из других российских и зарубежных собраний. Художественные работы, специально созданные для проекта или существующие, подобны склейкам в кинцуги — японской технике реставрации керамики. Здесь тоже швы равноценны уцелевшим фрагментам: они подчеркивают пробелы, восполняют лакуны. То, чем и как заполнены лакуны и каким образом наши современные фантазмы стыкуются с молчаливыми фрагментами прошлого, оказывается в рамках выставки не менее значимым, чем ее исторический предмет.

Не слитно, не раздельно
3 апр — 28 сен 2025

Авторы

Художественные и исследовательские работы

Сергей Азимов
Павел Альтхамер
Алексей Артамонов
Игорь Блударев
Ле Занг
Борис Засыпкин
Милица Земская
Вера Инбер
Настя Индрикова
и Ильяс Хаджи
Магомед Кажлаев
Николай Карахан
Сергей Качерьяц
Юрий Кнорозов
Ирина Корина
Нигмат Кузубаев
Виллем де Кунинг
Гарольд Лоуренс
Тигран Мкртычев
Эльдар Муратов
Маяна Насыбуллова
Макс Пенсон
Игорь Персидский
Сергей Пиянзин
Зигмар Польке
Анна Пронина
Илья Соколов
Александр Сухарева
Урал Тансыкбаев
Рустам Хальфин
Борий Ходжаев
Шуи Цао
Али Шерри

Документы

Борис Андрианов
Александра Антонова
Георгий Аргиропуло
Альфред Ашкинезер
Абдулла Бабаханов
Самуил Бублик
Нина Вактурская
Сергей Васильковский
Галина Вересоцкая
Дзига Вертов
Эмилия Виноградова
Аида Елихова
Татьяна Жданко
Марианна Итина
Николай Кармазинский
Роман Кармен
Малик Каюмов
Александра Кесь
А. Климов
Наталья Ковалева
И. Колесников
Александр Крылов
О. Кузьмин

Лев Мелеги
Г. Мушкарбаров
Анна Опочинская
Марк Орлов
Георгий Павлиди
Вадим Пентман
Владимир Пиллявский
Анатолий Погорелый
Яков Посельский
Дан Псёл
Юрий Рапопорт
С. Рукавишников
Игорь Савицкий
Ирина Сеткина
В. Соболевский
Николай Толстов
К. Томашевский
Ариф Турсунов
Зиновий Фельдман
Н. Юсов

**Сборник «Не слитно,
не раздельно.
Заметки на слоях»**
Александра Антонова
Ирина Аржанцева
Сергей Болелов
Анна Дауманн
Тигран Мкртычев

Кураторы

Ярослав Алешин
Катерина Чучалина

Научный ассистент

Сергей Козловский

Архитектура

sashakim.studio:
Саша Ким, Ира Тен

Свет

Ксения Косая

Продюсеры

Варвара Архипова
Мария Калинина
Вероника Лучникова
Ксения Макшанцева

Техническая команда

Андрей Белов
Александр Долматов
Артем Канифатов
Максим Лапшин
Павел Лужин
Михаил Саркисянц

**Логистика
предметов
искусства, учет
и хранение**
Ангелина Коровина
Дарья Кривцова
Дарья Максимова

Команда программ доступности и инклюзии

Вера Замыслова
Влад Колесников
Виктория Кузьмина
Вяра Меренкова
Александра Харченко

Графический дизайн

Мария Косарева
Миша Филатов

Редакторы

Ольга Гринкруг
Даниил Дугаев

Тексты на английском языке

Томас Кэмпбелл
Бен Хусон

Корректоры

Елена Каршина
Дарья Савиных
Ольга Силина

Медиаспециалист

Ира Попович

Реализация архитектурного проекта SLOVO

Партнер выставки

Институт этнологии
и антропологии имени
Н. Н. Миклухо-Маклая
Российской академии
наук

Выставка «Не слитно, не раздельно» организована при участии

Всероссийского
художественного научно-
реставрационного центра
имени академика
И. Э. Грабаря
Государственного
исторического музея
Государственного музея
Востока
Государственного
музея изобразительных
искусств имени
А. С. Пушкина
Государственного
Эрмитажа
Государственной
Третьяковской галереи
Госфильмофонда России
Ивановского областного
художественного музея

Костромского
государственного
историко-архитектурного
и художественного
музея-заповедника
Московского
государственного
объединенного музея-
заповедника
Музея архитектуры
имени А. В. Щусева
Мультимедиа Арт
Музея, Москва
Научно-
исследовательского
музея при Российской
академии художеств
Российского
государственного архива
кинофотодокументов
Томского областного
художественного музея
Фонда Марджани
Центрального архива
Республики Узбекистан
Центрального
государственного архива
литературы и искусства
Санкт-Петербурга
Rustam Khalfin Look Gallery

Адаптированные
материалы

ТФК

English

Дом культуры «ГЭС-2»
Болотная набережная, 15
ges-2.org

ГЭС-2

V—A